

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 338.09

В.А. Осипов

СТРУКТУРА ЧАСТНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1945 – 1960 гг.

Исследования 1990 – нач. 2000-х гг. доказали, что в СССР, несмотря на тотальное огосударствление, продолжали существовать различные проявления частного предпринимательства [1-3]. Хотя экономисты обосновали институциональный характер частного предпринимательства для современного общества, а историки выявили некоторые особенности развития частного бизнеса в социалистической экономике, до сих пор отсутствует целостное видение проблемы частного бизнеса в СССР. На наш взгляд, различные формы легального и нелегального предпринимательства в СССР способно объединить в себе понятие «частной хозяйственной деятельности» (ЧХД).

Структура ЧХД эволюционировала на протяжении всей истории СССР. В годы нэпа началось сужение сферы деятельности частника, выталкивание его в «тень». Конституция 1936 г. и другие законы закрепили существование в СССР лишь мелкого крестьянского и кустарного хозяйства. Законодательное ограничение привело к переходу значительной части ЧХД в «тень». Частник стал размещать свой капитал там, где государственный контроль был недостаточным, прежде всего, в кооперации и торговле.

Кампания 1948 – 1950 гг. преследовала цель сбить активность частника, вернуть его в нужные государству рамки. Правила 1949 г. еще более ограничили законное поле ЧХД. Частная инициатива стала ис-

кать новые «лазейки» в законодательстве и экономике. Усиливается проникновение ЧХД в местную промышленность, усложняются формы ЧХД. Советское уголовное законодательство было вынуждено признать существование в СССР «частнопредпринимательской деятельности» (УК 1960 г.).

В отличие от исследователей советского времени, подчёркивавших лишь криминальный характер частного бизнеса в СССР, нас интересует инициативная деятельность граждан по производству товаров, услуг, торговых и посреднических операций, осуществляемую как в рамках закона, так и за его пределами.

Из разрешенных законом форм предпринимательства – к ЧХД можно отнести деятельность кустарей и ремесленников.

Мы располагаем лишь приблизительными данными о количестве некооперированных кустарей и ремесленников. В 1947 г. в СССР официально финансовые органами было зарегистрировано 46.362 некооперированных кустарей и ремесленников. Как показывала практика многочисленных проверок, значительная часть кустарей уклонялась от регистрации, поэтому реальные цифры работавших в этой сфере, видимо, были намного выше [4]. В конце 1940-х годов в РСФСР было зарегистрировано примерно 80 тыс. кустарей. В 1959 г. их насчитывалось уже 150 тыс [5,1].

В докладах финансовых органов постоянно указывалось на несвоевременную регистрацию

кустарно-ремесленных промыслов и неполное выявление лиц, работающих без регистрационных удостоверений. Это объяснялось недостаточной квалификацией работников финансовых отделов, несогласованностью действий с органами милиции и прокуратуры. Инструктивные указания министерств финансов СССР и РСФСР указывали на «неудовлетворительную работу» местных финансовых органов по регистрации и обложению налогами кустарей и ремесленников во многих областях и городах: Сталинград, Махачкала, Горький, Ташкент, Сталинабад, Киев, Фрунзе, а также в Дагестанской АССР и Карело-Финской ССР [6].

Аналогичную картину мы находим и в областях Западной Сибири. Численность зарегистрированных кустарей и ремесленников в 1946-1959 гг. колебалась от нескольких десятков до трех - четырех сотен.

Перечень промыслов, которыми занимались некооперированные кустари и ремесленники в Западной Сибири, был достаточно широк. Это были сапожники, жестянщики, гончары, пимокаты, портные, фотографы, слесари, бондари, зеркальщики, часовщики, шорники, точильщики, корзиночники, извозчики и др. Региональные различия по областям были невелики.

В кустарно-ремесленных промыслах были задействованы преимущественно престарелые люди и инвалиды. Занимались кустарно-ремесленными промыслами также рабочие и служащие в свободное от работы время. Именно они часто укло-

нялись от «выборки» регистрационных удостоверений и уплаты подоходного налога; их деятельность особенно трудно поддавалась учету и контролю. Налоговые органы не обладали достоверной информацией о заработках частников и дополнительных источниках дохода рабочих и служащих.

Одной из форм частной хозяйственной деятельности являлись промыслы кустарей и ремесленников, запрещенные законом. Правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов 1936 г. запрещали выдачу регистрационных удостоверений на целый ряд промыслов и занятий:

а) переработка купленного (не давальческого) зерна, коопли, льна, шерсти, в том числе льняной и шерстяной пряжи (за исключением ковроткачества);

б) переработка скрученного и давальческого табака и ма-хорки масличных семян, хлопка-сырца и хлопка-волоска, ко-конов (шелка) и шелковой пряжи, кожевенного и овчинно-шубного сырья;

в) производство кислот, лакокрасок, олифы, купороса, со-ды, синьки, ядовитых веществ, а также парфюмерно-косметиче-ских изделий и мыла;

г) производство взрывчатых и огнеопасных веществ, в т.ч. пиротехнических изделий;

д) полиграфические про-мыслы (типографский, стекло-графический и т.п.), производ-ство множительных аппаратов (стеклографов, и пр.), штемпелей и печатей;

е) производство из своих материалов для продажи на рынке готового платья, белья, трикотажа, головных уборов, кожаной обуви, галантереи (в том числе кожаной), шорных изделий и изделий из цветных металлов (выдача регистрационных удостоверений на произ-водство изделий, указанных в п. «е», из материала кустаря по индивидуальным заказам насе-ления не запрещалась. Выдача регистрационных удостовере-

ний на производство из мате-риалов кустарей для продажи других изделий, кроме указан-ных в п. «е» (например, мебели, бондарных, щепных, соломен-ных и гончарных изделий, му-зыкальных инструментов), не запрещалась;

ж) производство изделий не на заказ, а для продажи на рын-ке членами промысловых ко-оперативных артелей и артелей кооперации инвалидов, работающими на сторону, а также рабочими и служащими, зани-мающимися промыслами во внеурочное время;

з) производство из покупно-го сырья пищевых продуктов, как то: хлеба, булочных, конди-терских, молочных, колбасно-ветчинных плодово-овощных из-делий, кашаний, кофе, перца, горчицы, уксуса, вина, алко-гольных и безалкогольных нап-питков и т.п. (на производство отдельных из этих продуктов регистрационные удостоверения могли выдаваться только в тех районах, где это будет раз-решено особыми постановле-ниями совнаркомов союзных и автономных республик и край(обл)исполкомов. На про-изводство пастилы, леденцов, маковок и кваса выдача регист-рационных удостоверений не запрещалась);

и) всякие промыслы с при-менением наемного труда;

к) расфасовка, размол, разлив, сортировка, резка, очистка и т.п. складские (не производ-ственные) операции с покупными товарами для последующей их перепродажи;

л) всякого рода частная тор-говля (скупка-перепродажа), тор-говое посредничество (во-яжеры), кроме продажи чи-стильщиками обуви мелких при-надлежностей для обуви (шну-рки, стельки, набойки с шурупа-ми, вакса, гуталин). Продажа про-дуктов своего хозяйства в сыром или переработанном ви-де колхозниками и трудящимися единоличниками, а также ведущими подсобное сельское хо-зяйство рабочими, служащи-ми

ми и другими трудящимися, а также предусмотренная поста-новлением СНК СССР от 2 ав-густа 1935 г. № 1673 продажа на станциях железных дорог и пристанях сельскохозяйствен-ных продуктов колхозниками и окрестным трудящимся насе-лением с полок, прилавков, лотков и с рук производилась беспреп-ятственно, без регистрацион-ных удостоверений;

м) содержание постоянных дворов, каруселей, купален, вес-сов на базарах, стрелковых ти-ров и устройство различных игр [7].

Для анализа запрещенных законом форм частной эконо-мической инициативы, восполь-зуемся классификацией Главно-го Управления по делам потре-бительской и промысловой ко-операции, созданной на основа-нии статистики проверок этого ведомства.

Одной из наиболее широко распространенных форм незаконного частного предпринима-тельства было заключение ко-оперативными организациями незаконных сделок с перекуп-щиками и агентами на заготовку ими сельскохозяйственных про-дуктов, предоставление им до-веренностей и денежных сумм, на закупку от имени коопера-тивных организаций с выплатой им процентов за сделку.

Широкое распространение получила практика посылки райпотребсоюзами Западной Сибири агентов для закупки фруктов и овощей в Среднюю Азию и Закавказье, где те проводили закупки, минуя сельпо, райпотребсоюзы и артели на городских рынках, получая большие, зачастую не совсем законные, комиссионные [8].

Технология этой формы ЧХД была такова: правление артели заключало договор с агентом на закупку фруктов и овощей у государственных, кооперативных организаций и колхозов с постоянным пребы-ванием в каком-либо регионе Средней Азии, за что ему вы-плачивались комиссионные [9].

В 1948 г. Омский Коопторг заключил договор с гр. Любарским на закупку сухофруктов и свежих фруктов в Винницкой области за оклад 600 и 1300 руб. за 1 т. В Ялуторовском райпотребсоюзе (Тюменская область)правление заключило соглашение с частным посредником Ковалевым на закупку и поставку фруктов из других областей с вознаграждением 5% от суммы закупки [10].

Директор магазина №1 Новосибирского Горкоопторга принял в штат на должность заготовителя гр. Барсенева для закупок сухофруктов в Узбекской ССР. Председатель артели «Сибирия» (г. Новосибирск) заключил с частными лицами договор о посредничестве в сельскохозяйственных закупках (арбузов и фруктов) в Казахстане и Средней Азии.

Руководители предприятий, в нарушение установленного законодательства, привлекали частников к выполнению строительных и ремонтных работ. Артели за монтажные работы и капитальный ремонт зданий и цехов выплачивали частным бригадам по трудовым соглашениям большие суммы денег.

Артель «30 лет Октября» Новосибирского Горкоописоюза, имея собственные проектные отделы, в 1945-1946 годах привлекала для составления проектно-сметной документации частных лиц, которым было выплачено 71,4 тыс. руб. С использованием услуг частных лиц проводились монтажные и капитально-восстановительные работы оборудования. Здесь при смете 221тыс. было выплачено 284,7 тыс. руб. [11].

В артели «Ремстрой» г. Томска по инициативе председателя артели к выполнению ремонтных работ систематически привлекались частники: в первом квартале 1949 г. –34 человека, во втором квартале – 33, в третьем –117. Правление артели «Прогресс» в 1948 г. заключило договор с частниками на восстановление парового

котла [12].

Заключались незаконные трудовые и коммерческие соглашения с частниками на приобретение материалов, оборудования, инвентаря. В 1946 г. главным контролёром-ревизором Контрольно-ревизионного управления Министерства финансов ССР по РСФСР было установлено, что государственные учреждения, хозяйствственные организации и предприятия производили в значительных размерах затраты на приобретение розничных материалов, оборудования, инвентаря в комиссионных магазинах и у частных лиц: в 1945 г. - эти затраты составили 63,2 млн. руб, а в 1946 г. – 118,8 млн. руб.

В Томске частник Майков продал белую глину (26,6 т.) на сумму 26600 руб. В г. Анжеро-Судженск в артели инвалидов «Горняк» агент-заготовитель закупал крупные партии стекольных изделий на стеклозаводе, якобы для артели, и, прикрываясь вывеской артели, реализовывал эту продукцию[13].

Одной из наиболее опасных форм незаконной частной деятельности в экономике контролирующими органами была названа сдача на «откуп» частным предпринимателям кооперативных ремонтных мастерских, ларьков, киосков и других производственных и торговых предприятий с заключением незаконных договоров, предусматривающих уплату артели ежемесячно части выручки, определяемой в процентах или в абсолютной сумме, с бесконтрольным оставлением в распоряжении частных предпринимателей фактических доходов предприятия [14].

В деревне Кресты Гурьевского района гражданин Колесов в 1947 г. арендовал помещение у некой гражданки и по договору с артелью «Минерал» Кемеровского Облкоописоюза открыл в нем заезжий дом. Работал без патента и квитанций, деньги от предпринимателя в кассу артели практически не

поступали. Более того, артель платила за аренду, отопление, освещение и уборку.

Правление артели им. Я.М. Свердлова Кемеровского Облпищепромсоюза сдало частнику Доценко предприятие по выработке мороженого. За каждый килограмм мороженого он получал 1руб. Владея оборудованием, он оплачивал труд двух продавцов.

Частная деятельность в кооперации приобретала и более значительные масштабы, она проникла в базовую отрасль Кузбасса – угольную. Так, в артели «Сигнал» Облугольпромсоюза, с ведома руководства, десятники Аксенов, Кузнецov, Баstryгин и отпускники угля Галкин и Белов сумели организовать добычу и бесконтрольную торговлю углем на сезонных шахтах «Уроп», «Сартаки» и «Мохово». Шахты числились у артели в резерве, уголь добывался вне плана и никем не учитывался [15].

Примерным уставом артели промысловой кооперации, а также кооперации инвалидов было предусмотрено, что лица, вступающие в артель, вносят вступительный и паевой взносы в пределах 2-2,5 месячного заработка, определяемого правлением артели. При обобществлении орудий производства и запасов сырья, принадлежащих членам артели, стоимость обобществленного имущества засчитывалась в паевой и вступительный взносы члена артели на основаниях, устанавливаемых общим собранием. Прием каких-то других вкладов от вступающих в артели лиц постановлением Правительства от 27 сентября 1937 г. за №109/1686 был запрещен. Частные лица, располагавшие крупными денежными средствами, а иногда и промышленным оборудованием, вступали в члены артели, причем принадлежащее им оборудование не обобществлялось, а зачислялось в так называемые «спецвклады» этих лиц. Предприятия, по сути, продолжали

оставаться частной собственностью. Вступившие в артель с оборудованием, как правило, назначались на руководящие должности своих же предприятий – начальниками цехов, заведующими производством, мастерами [16].

В районном селе Ижморка в 1946 г. подданные Турции Тагиров Кадыр и Куркузов Ахмед на своем оборудовании делали колбасу, пиво, морс, мороженое, кисель, компот, холдец и прочее. Фактически они превратили чайную Облразнпромсоюза в частное предприятие. В 1949 г. в артели “Модель обувь” Омского швейно-обувного союза председатель артели Дерешев открыл цех по выработке кож в частном доме, оборудование не было обобществлено [17].

Частник Арташевич организовал у себя на дому в г. Новосибирске мастерскую по изготовлению головных уборов, часть изготовленной продукции он отдавал сельпо, а остальное продавал. Работал частник на своем не обобществленном оборудовании. Продукцию шил как на заказ, так и для свободной продажи на рынке.

Музыкальный мастер Евсеев в 1947 г. по договору с артелью у себя на дому организовал мастерскую по изготовлению музыкальных инструментов. Материалы он закупал сам. Основную часть продукции продавал на рынке и лишь небольшую часть сдавал в артель [18].

Одним из видов «ложекооператорства» (таков термин советских контролирующих органов, с позиции современного исследователя справедливее говорить о «псевдокооперации» - О.В.) было «надомничество». Главный инспектор по делам кооперации в Новосибирской области в 1949 г. констатировал, что в области в большинстве своем надомниками работают женщины, имеющие на иждивении детей дошкольного и школьного возраста, престарелые женщины и инвалиды войны. Однако среди надомников было немало

лиц с высшим и специальным средним образованием: агрономы, врачи, педагоги т.д. Руководители артелей часто устраивали надомниками своих родственников. Нормы выработки в таких случаях были занижены, а учет сырья и полуфабрикатов не наложен. У Кемеровской артели «Труженик» Облшвейтритокотажсоюза работало на дому 30 портных [19].

В Новосибирской артели Обллесхимпромсоюза столяры-надомники производили мебель. Правление артели «Разнпром» г. Новосибирска пользовалось услугами надомников, производивших ювелирные изделия: кольца, серьги, детские часики. Сумма дохода составила за 1949 г. 129,5тыс. руб. Артель «Салют» Новосибирского Горметаллсоюза отдала надомникам производство надомных знаков для домауправлений и домовладельцев города (среднемесячный заработка надомника составлял 7700 руб.). Правление артели кооперации инвалидов «Прогресс» в г. Черепаново Новосибирской области под видом надомничества заключила с частником договор на производство кондитерских изделий и право торговать на рынке от имени артели [20].

Огромный размах приобрела практика выполнения в ремонтных мастерских, ателье индивидуального пошива и других предприятиях бытового обслуживания различных работ без оформления их квитанциями.

В отчетах о проверке швейных, сапожных, слесарных и часовых мастерских, фотосалонов, принадлежащих промысловой кооперации и кооперации инвалидов, а также промкомбинатам местной промышленности инспектора констатировали, что практически в каждой мастерской или каждом ателье вскрываются факты отсутствия прейскурантов цен и бесквитационное обслуживание. Мастера платили в артель твердо ус-

тановленную сумму или обусловленный процентный план от выручки [21, лл.59-112].

«Спекуляция» масштабно превосходила каждую из легальных форм торговли. На спекулятивный рынок перетекали пайковые товары, товары коммерческих магазинов, продукция кустарного производства, колхозов и совхозов, ЛПХ.

Розничная спекулятивная торговля непродовольственными товарами производилась на промтоварных и колхозных рынках городов; около и внутри магазинов во время продажи их работниками дефицитных товаров; на улицах, во дворах и подъездах отдельных домов; разносной товаров специальными людьми на дом клиенту.

Формами нелегальной торговли являлись и продажа спекулянтами чеков на товары, которые заранее выписывались недобросовестными работниками госторговли, а также продажи занятой очереди на приобретение дефицитных товаров.

Во многих городах страны, в том числе и Западной Сибири, на специальных рынках для продажи подержанных вещей, кустарных изделий и новых непродовольственных товаров, оказавшихся неподходящими тому или иному лицу по фасону, размеру и т.п., в нарушение действующих правил, производилась спекулятивная торговля новыми непродовольственными товарами и кустарными изделиями. Эта торговля зачастую осуществлялась крупными спекулянтами через особую сеть посредников-агентов.

Вещевые рынки городов служили местом скрытного предложения новых товаров, которые временно хранились на стороне. Перекупщики для вида выставляли пониженные цены, а заинтересовавшемуся покупателю предлагали посмотреть новый товар, находившийся на квартире продавца.

Повышать цены на предлагавшиеся перекупщиками и кустарями товары на рынке актив-

но помогали "поднадчики", которые, по взаимной договоренности с владельцами товаров, набивала продажную цену, имитируя намерение что-то приобрести и провоцируя таким образом горожан на покупки ("поднадчик" за день зарабатывал до 150 руб.).

Специальное обследование городской торговой сети Москвы показало, что 30% всех непродовольственных товаров покупалось иногородними [21,лл.62-73].

Спекулянты скупали у крестьян масло и яйца по ценам, превышающим государственные заготовительные цены, перепродаив эти продукты по ценам ниже государственных розничных и оставались с большой прибылью. Товары повседневного спроса (мясо, мука, соль, спички, керосин), имевшиеся на складах предприятий в достаточном (?) количестве, прятались торговыми работниками под прилавок, а оттуда переходили полулегальным и нелегальным торговым посредникам. Время от времени партийная печать обнаруживала, что торговля каким-нибудь важным для потребления товаром в целом районе захвачена перекупщиками. Уголовный розыск устраивал настоящие облавы на торговок модными женскими беретами или мужскими ситцевыми рубахами. Однако это приносило лишь временные результаты, «торговля с рук» была неистребима.

В городах Западной Сибири, по признанию правоохранительных органов, спекулятивная торговля приобрела значительные масштабы. В условиях недовлетворительного снабжения населения через сеть государственной и кооперативной торговли, низкого качества ширпотреба, произведенного местной промышленностью и промкооперацией, спекулянты завозили в регион дефицитные товары из европейской части и других регионов страны.

В течение 1946- 1948 гг. в

Барабинском райпотребсоюзе работники артели закупали частным путем в Молотовской области в больших количествах уральскую брошь по 1 руб. 50коп и продавали через торговую сеть по 10 руб. Прибыль составила 410984 руб. [21,лл.77-85].

В Кемерово в феврале 1955 г. разоблачили группу спекулянтов, перепродающих привозимые из Джамбула каракульевые шкурки и пуховые шали.

В Анжеро-Судженске в январе 1955 г. была вскрыта деятельность спекулянтов, привозивших для продажи из Москвы, Новосибирска, Томска и других городов тюль, вельвет, шерстяные ткани, валяную и резиновую обувь и др.

В 1948 г. в Томске была арестована группа спекулянтов, скупавшая у колхозников ягоду, лук, яйца и другие продукты и перепродающая их на рынке. Председатель Новопокровского сельпо Омской области закупал в колхозах масло, яйца, рыбу, спекулируя ими на рынке [22].

Формы и масштабы частной хозяйственной деятельности в местной промышленности и промысловой кооперации могут быть проанализированы на основании направленной на имя Н.С. Хрущева записки бухгалтера Устименко, который, имея опыт работы на предприятиях этих отраслей, раскрывает технологию «подпольного» производства, указывает на проблемы и недостатки в системе хранения и учета [23].

В местной промышленности и промкооперации частные предприниматели обычно объединялись в «компанию» из 2-4 дельцов и, пользуясь покровительством официальных лиц, распределяли между собой должности. Помимо государственных вложений, в новое предприятие вкладывались и свои средства, которые шли на приобретение дополнительного оборудования, на подкуп чиновников, на оплату дополнительной рабочей силы. В про-

мысловый кооперации вклад обычно составлял 100-150 тыс. руб, в более крупные предприятия местной промышленности – до 300тыс.

Директором артели обычно назначался посторонний человек, которому выплачивали зарплату от 3 до 15 тыс. руб. Директор отстаивал перед плановыми органами заниженные задания по выпуску продукции, чтобы иметь максимум резерва рабочей силы, электроэнергии, топлива, производственных мощностей для выработки «левой» продукции.

В местной промышленности и промкооперации существовали два основных метода незаконного извлечения прибыли:

1) выработка «левой» (неучтенной) продукции из «левого», похищенного сырья;

2) обналичивание артикулов в процессе производства (при выписке наряда рабочему с последующей заменой артикула с высокой ценой на артикул с низкой ценой),

3) переписка артикула на артикул.

Методика извлечения «дельцами» прибыли на предприятиях местной промышленности и промкооперации была довольно сложной.

Так, в резиново-обувных предприятиях устанавливались заниженные нормы выработки рабочего (примерно в 3 раза по сравнению с государственной) – 8 - 10 пар обуви за смену, хотя фактически можно было сделать 20 - 40 пар. Государственная ставка за пару обуви составляла около 2 руб, а за «левую» пару - 10 руб. В смесительных цехах за счет занижения процента закладки каучука в смесь рабочие «экономили» сырье для выпуска «левой» продукции.

Средние предприятия выпускали 1 тыс. пар резиновой обуви за рабочий день. Для изготовления одной пары резиновой обуви в среднем требовался 1 кг. резиновой смеси, что составляло в день 20 пятидесяти-

килограммовых закладок. Таким образом, из 50 кг. изготовленной резиновой смеси «компания» дельцов оставалось 6 кг. каучука и в течение дня «компания» «экономила» 120 кг. каучука, из которого она могла изготовить такую же резиновую смесь в количестве 370 кг.

Украденная смесь продавалась мелким предприятиям промысловой кооперации, что при украденных ежедневно 370 кг давало 4,5 тыс. руб. В год предприниматели экономили для себя 67,5 т. Эта резина продавалась мелкими партиями, по установленной на «черном рынке» сырья минимальной цене, 13 тыс. руб. за тонну - годовой доход составлял 810 тыс. руб.

Однако основной доход предприниматели получали за счет применения переписки с артикула на артикул. При крупном объеме работ и большом количестве рабочей силы «предпринимателям» было нецелесообразно расплачиваться с каждым рабочим в отдельности.

Схема махинаций была такова. Фабрика местной промышленности должна была согласно плану выпустить в текущем месяце 35 тыс. пар резиновой обуви. Фабрика вырабатывала обувь 3 артикулов: мальчиковые лакированные сапоги – артикул 450 по розничной цене 57 руб.; дамские лакированные сапоги – артикул 350 по розничной цене 97 руб.; мужские не лакированные сапоги – артикул 150 по цене 91 руб.

Однако спущенный фабрике план не предусматривал выпуска обуви по артикулам (ассортименту). В нем содержалась суммарная цифра выпуска продукции в единицах пар. Руководство фабрики в соответствии со спросом торговых организаций само планировало, сколько пар обуви и какого артикула из общей цифры в 35 тыс. единиц следует выпустить. Эта возможность свободно варьировать внутри плана широко использовалась в расчетах. В них указывалось, что за изготовление са-

пог артикулов 350 - 450 рабочий получает одинаковую зарплату. Это, несмотря на то, что различная цена обуви неодинакова. За изготовление сапог артикула 150 рабочие получали меньшую зарплату. Так делалось для того, чтобы, изготавливая лакированную обувь, рабочий не вел учет по артикулам, а вел бы его по единицам. Это позволяло в наряде, выдаваемом рабочему на руки, не указывать артикул, а только наименование изделия и количество.

Так удавалось обезличить оба артикула, на которых и велась игра. Успех обеспечивался полным устраниением рабочего от контроля за ассортиментом продукции, так как в материальном отношении рабочего интересовало только количество изготовленной обуви.

Сложный внутренний механизм игры на артикулах действовал достаточно слаженно. На протяжении месяца, в процессе поступления готовых изделий «компания» сдавала на центральный склад 35тыс. пар обуви согласно плану. Фактически «компания» сдавала 5 тыс. пар мужских лакированных сапог (артикула 150), 27 тыс. пар дамских лакированных сапог (артикула 350) и 3тыс. пар мальчиковых лакированных сапог (артикула 450). Стоимость этой продукции выражалась в сумме 283.550 руб. Сдав готовую продукцию на склад, «компания» получала от своего кладовщика приходную накладную. В этом документе впервые обозначались не только количество обуви, но и артикул. Именно эта накладная впервые отражала акт хищения.

Бухгалтерия хищения выглядела так: за счет изменения количества произведенной обуви по артикулу 350 (97 руб.) в сторону увеличения количества произведенной обуви по артикулу 450, (57 руб.) «компания» уменьшала розничную цену произведенной продукции до 2235500 руб., сняв в свою пользу 600 тыс. руб.

На крупных предприятиях местной промышленности пропуск на ввоз груза при въезде на территорию не выписывался. Не привозя груза, «предприниматель» мог сдать складу так называемую бестоварную накладную и получить (поговору) приходную накладную, свидетельствующую о том, что груз якобы сдан.

Предприятие, не имеющие смесительного цеха, подготавливало партию резиновых сапог, предназначенную к продаже «налево». «Предприниматель», чтобы скрыть хищение обуви, вступал вговор с работниками торговли и выписывал бестоварную расходную накладную на 1тыс. кг сырой резины, якобы отправленную в переработку. С этой накладной он отправлялся на крупное предприятие, имеющее смесительный цех и сдавал свою накладную действующему с ним заодно другому «предпринимателю». Получив от последнего приходную накладную, он тем самым официально покрывал недостачу, оказавшуюся после махинации. Через несколько дней «предприниматель», якобы сдавший резину, приезжал на предприятие и официально получал резину якобы из переработки. Эта резина фактически была изготовлена как «левая».

Незаконное предпринимательство было распространено и в прядильно-ткацких производствах. «Левую» пряжу для изготовления одеял, скатерей, покрывал поставляли фабрики и заводы местной промышленности и промкооперации, а также иногда и государственные предприятия.

«Левая» пряжа получалась следующим образом. Как правило, пряжа исчислялась не в метрах, а в килограммах. По толщине нитки она обозначалась номерами. Фабрика, отпуская мелкому предприятию тонкую пряжу, указывала в накладной номер толстой. В переводе на метраж толстой пряжи в килограмме намного меньше, чем

тонкой. Цех, выпускающий покрывала, получив тонкую пряжу под номером толстой, списывал пряжу по нормам расхода толстой. Фактически же более легкие покрывала изготавливались из другого номера тонкой пряжи. Таким образом, вместо двух покрывал (по норме) «дельцы» вырабатывали три.

Существовал еще один способ извлечения прибыли мелкими цехами этого производственного профиля. «Компания предпринимателей», закладывая в системе промкооперации ткацкий цех на 10 станков, одновременно закладывала такой же цех на 8 станков в системе местной промышленности.

Один из «компаньонов» возглавлял первый цех, другой – второй. Оба цеха выпускали скатерти. В свое время промкооперация через бюро цен утвердила розничную цену на тканевые скатерти в 104 руб. Начав вырабатывать точно такие же скатерти, но из «другого сырья» и по «новой технологии», местная промышленность представляла в бюро цен свою калькуляцию. Бюро цен, в соответствии с представленной более низкой себестоимостью, утверждало местной промышленности цену в 57 руб.

Таким образом, использовалась разница в цене. Получив из цеха промкооперации ярлыки с обозначаемой ценой (104 руб.), торговая точка накладывала их и на 57 рублевые покрывала.

В ткацких производствах устанавливалась заниженная норма выработки, выработанное сверх нормы шло «налево».

Весьма распространенной оказалась частная инициатива в галантерейном и кожгалантерейном производствах. На предприятиях этой специализации вырабатывались: поясные ремни, ремешки для часов, дамские сумки, хозяйствственные сумки, гребешки, тулья, пуговицы и т.п. Работа строилась по методу изготовления «левой» продукции из «левого» сырья.

Характерным примером яв-

ляется изготовление продерочной резинки. Сырье для её изготовления – резиновую жилку достать было легко. «Дельцы» в цехе, вырабатывающем из государственных фондов пряжи материал для этой резинки, ставили станок, вырабатывающий обыкновенную хозяйственную веревку. Выпуск этого вида изделия утверждался законным путем: на производство веревки спускался план, следовательно, и государственные фонды пряжи. Пользуясь этим, цех получал от государственных фабрик для обеспечения месячного плана, предположим 500кг. пряжи. Из них надо было выработать 500 кг. веревки, а вырабатывалось только 50 кг.

Таким образом, в действительности 450 кг. пряжи пошли на изготовление продерочной резинки. Недостача веревки оправдывалась так: цех «своему» магазину отправлял 50 кг. веревки. На второй день, пустив веревку в продажу работник магазина приезжал к поставщику и привозил накладную полученную вчера, взамен ему выдавали другую накладную на 500кг. веревки. Первая накладная уничтожалась. Разница в 450кг. веревки, которая образовывалась в магазине как недостача, при получении новой накладной, покрывалась наличными деньгами. Торговцы получали взятку и выполняли товарооборот. Украденные 450кг. пряжи позволяли «дельцам» получить 100 тыс. м. «левой» продёрочной резинки, что за вычетом расходов на сырье и вознаграждение торговых работников составляло 75 тыс. рублей. По документам все было в порядке.

«Левая» продукция вырабатывалась и в лакокрасочных производствах, где выпускались лаки, краски, олифа. Работа также строилась по способу выработки «левых» изделий из «левого» сырья. У населения особенно большим спросом пользовались цинковые белила. Они состоят из 2-х основных

компонентов – окиси цинка и олифы. Окись цинка является главным и наиболее дефицитным компонентом. Для получения 100 кг. качественных цинковых белил технология предусматривала закладку окиси цинка в количестве 70 кг. Для экономии, в свою пользу, дорогостоящего сырья «предприниматели» закладывали не 70, а 30-34кг., остальные заменяли мелом.

Подобную махинацию «дельцы» проворачивали и при изготовлении «левых» густотертых красок. В сезонное для покупателя время (в разгар индивидуального строительства) цинковые белила пользовались большим спросом. При выпуске в день 300 кг. «левых» белил прибыль составляла около 4тыс. руб. в день, а на продаже красок около 5,5 тыс. руб. В итоге ежемесячно «дельцы» зарабатывали около 200 тыс. руб. Строительный сезон длился около полугода, доход такого цеха «предпринимателей» составлял около 1,5млн. руб.

Преступная частная экономическая деятельность получила распространение и в других отраслях местной промышленности. Всюду использовались описанные выше способы производства «левой» продукции из «левого» сырья, а также переписки с артикула на артикул. Крупная игра велась на подмене артикулов и прочных контактах с торговой сетью.

Среди государственных учреждений особым размахом предпринимательской деятельности прославились комиссионные магазины. Они создавались для того, чтобы «помочь трудящимся продать ненужные вещи без перекупщиков и спекулянтов». В реальной жизни работники комиссионок отказывались принимать у населения поношенные или дешевые вещи, зато искали большие партии дефицитного товара. Для поиска, скупки и реализации товаров комиссионные магазины имели специальных агентов,

которые получали зарплату, суточные, командировочные, проценты с оборота. Поставщиками в комиссионные магазины были и спекулянты, которые скапали товар в государственных магазинах, либо приносили краденое со складов, фабрик, заводов, из магазинов.

Информаторы ЦК утверждали, что хищения сырья и «левое» производство были бы не возможны без «опеки» Министерства местной и топливной промышленности РСФСР.

Коррупция стала проявлением срашивания системы государственного распределения и подпольного рынка. Партийно-советское руководство, работники судебно-следственных органов, органов правопорядка взаимовыгодно обменивались услугами с работниками государственной торговли, которые богатели и повышали свой социальный статус за счет махинаций с товарами. Коррупция охватила местную власть и центральные ведомства, например, министерства.

ЧХД получила распространение и в государственной промышленности. Оборонные заводы в 1946 г. еще не имели планов, утвержденных министерствами не только на пятилетку, но и на текущий год. Предприятия жили «своими наметками». Заводы использовали свои мощности на 15–20 %. Рабочие трудились в подсобном хозяйстве, уходили в отпуска, делали табуретки. Из наркомата не поступало никаких указаний. Заводы тяжелой промышленности изготавливали пудреницы, мебель, пуговицы. Оборудование и фондированное сырье нередко использовались для частнопредпринимательской деятельности.

Таким образом, подведем

некоторые итоги.

Частная хозяйственная деятельность (ЧХД) являлась неотъемлемой составляющей частью негосударственного сектора советской экономики. Она объединяла некоторые «теневые» явления социально-экономической жизни СССР. Основой ЧХД в тот период являлось предпринимательство в его традиционном понимании.

Несмотря на идеологический и административный пресс, продолжали существовать некие «специфические хозяйствственные типы», выполнявшие инновационную, то есть предпринимательскую роль.

ЧХД велась в сфере производства товаров и услуг, торговой (посреднической) деятельности как в рамках закона, так и за его пределами. В последнем случае, вместо ЦСУ, ее фиксировала статистика правоохранительных органов.

Структура ЧХД имела сложный характер. Она могла быть индивидуальной и групповой, скрываться под формой социалистического предприятия и осуществляться самостоятельно.

Она включала в себя такое легальное, с точки зрения закона явление как деятельность некооперированных кустарей и ремесленников.

«Теневых» проявлений было значительно больше. Это занятие запрещенным промыслом; спекуляция; различные формы «лжекооператорства», а позже и организация настоящих нелегальных частных предприятий.

Огромные размеры этих преступлений определялись во многом вынужденно подпольным характером ЧХД. Ограничение частной инициативы имело и долговременные последст-

вия: оно увековечивало товарный дефицит и кризисы снабжения в социалистической экономике, черный рынок и спекуляцию.

В большинстве своих проявлений ЧХД являлась криминальной только с точки зрения советского законодательства. Именно ограничение экономической свободы превращало огромную часть рыночных отношений в подпольные, незаконные. Ни деятельность крестьян, ни кустарей и ремесленников, ни коммерческое посредничество, ни пресловутая спекуляция не считались бы преступлением (за исключением торговли краденым) в обществе рыночной экономики. Понятия законного и незаконного в социалистической торговле являлись относительными и изменчивыми. Они зависели от политической и социально-экономической ситуации в стране, а порой и от прихоти какого-нибудь местного руководителя.

Если для анализа хитроумных махинаций «дельцов и спекулянтов» нужно разбираться в макроэкономических проблемах, то экономическая инициатива обычных людей объясняется проще. «Выкручиваемся», – так ответила женщина-врач на вопрос французского писателя А. Жида о том, как же она живёт.

Безусловно, структура ЧХД раскрыта еще не полностью: в экономической жизни СССР существовало еще множество проявлений частной инициативы (частная практика врачей, ростовщичество и т.д.), более того, предпринимательство содержалось и в деятельности государственных предприятий и колхозов. Поэтому тема далека от завершения и имеет значительные перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корягина Т.И. Анализ, оценки прогнозы // Теневая экономика. – М., 1991;
2. Радаев В. Хозяйственный мир России: советское общество. – РЭЖ. – 1996. - №4;
3. Осокина Е.А. За фасадом «Сталинского зобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927 – 1941. – М., 1999.

4. ГАРФ. Ф.8300. Оп.11. Д.220. Лл.336-339.
5. Альметев Г.В. Деятельность партии по развитию бытового обслуживания трудящихся. – М., 1973. - С.29
6. ГАКО. Ф.Р-291. Оп. 1. Д.246. Л.6; ГАКО.Ф. Р-291. Оп.1. Д.402. Лл.25, 93-96, 107-108, 118,156-159, 174-176.
7. ГАРФ. Ф.8090. Оп.1. Д.833. Л.93; ГАНО. Ф.1147. Оп.2. Д.3. Л.112.
8. ГАТО. Р.883. Оп.1. Д.26. Л.129; ГАРФ. Ф.8090. Оп.1. Д.833. Л.82.
9. ГАРФ. Ф.5446. Оп.50. Т.2. Д.3754. Лл.105-95.
10. ГАРФ. Ф.8090. Оп.1. Д.354. Лл.58-69.
11. ГАРФ. Ф.5446. Оп.50. Т.2. Д.3754. Л.61.
12. ГАРФ. Ф.8090. Оп.1. Д.354. Л.67; Д.350. Л.8.
13. ГАНО. Ф.1147. Оп.1. Д.11. Лл.65-70.
14. ГАНО. Ф.1147. Оп.1. Д.9. Лл.110-113; Д.36. Лл.10-16. ГАРФ. Ф.8090. Оп.1. Д.354. Л.67.
15. ГАНО. Ф.1147. Оп.1. Д.28. Л.33; Д.9. Лл.110-11
16. ГАКО. Ф.291. Оп.1. Д..533. Лл.4-5; ГАНО. Ф. Р-1162. Оп.7. Д.560. Лл. 43-47.
17. РГАЭ. Ф.1562. Оп.26. Д.382. Л.92; Д.433. Л.19.
18. ГАНО. Ф.1147. Оп.1. Д.28. Л.29-30.
19. ГАТО. Р-921. Оп.2. Д.57. Л.2.
20. ГАРФ. Ф.8090. Оп.1. Д.833. Л.13.
21. РГАНИ. Ф.5. Оп.43. Д.4. Лл.59-112.
22. РГАНИ. Ф.5. Оп.43. Д.4. Лл.64-98.
23. РГАНИ. Ф.5. Оп.43. Д.5. Лл.76-102

□ Автор статьи:

Осипов
Виктор Алексеевич
– доц. каф. отечественной
истории, теории и истории
культуры